

*¹Нуржаева А.М. ²Бейсенбаев О.Т.

¹SDU University, Каскелен, Казахстан

¹Аль-Фараби ҚазНУ, Алматы, Казахстан

²Управление по вопросам молодежной политики области Абай, Семей, Казахстан

E-mail: *¹ nurzhayeva@gmail.com, ² beisenbayev.olzhas@gmail.com

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОЕКЦИИ МЯГКОЙ СИЛЫ: РОЛЬ ПРИНИМАЮЩИХ ГОСУДАРСТВ В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. В данной статье представлено сравнительное исследование культурной дипломатии Китая в странах Центральной Азии, с акцентом на роль стран-доноров в адаптации, регулировании и ограничении культурных и дипломатических инициатив Китая. Новизна исследования заключается в сравнении механизмов обмена между Китаем и Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, учитывая различия в институциональной среде, степени государственного регулирования и восприятию присутствия Китая. Цель состоит в выявлении факторов, определяющих различия в реакции стран Центральной Азии на использование Китаем аналогичных инструментов культурной дипломатии, таких как образовательные обмены, институты Конфуция, академические программы и коммуникации в СМИ. Цель состоит в определении основных моделей обмена между Китаем и странами Центральной Азии в области культурной дипломатии и уточнении роли государственных институтов в формировании результатов таких обменов. В исследовании используются элементы сравнительного анализа, институционального анализа, контент-анализа и тематического исследования. Источники включают официальные документы, межправительственные соглашения, статистические данные, публикации в СМИ, аналитические исследования и научные работы. Сравнительный анализ показывает, что даже при использовании Китаем схожих инструментов культурной дипломатии аналогичные результаты не гарантируются в других странах региона. К основным выявленным моделям взаимодействия относятся институциональная интеграция, которая наблюдалась преимущественно в Казахстане и в значительной степени в Узбекистане; партнерство, ориентированное на элиту, и контролируемая адаптация с Таджикистаном и Кыргызстаном в конкретных областях обмена; а также поэтапная модель доступа и фильтрации способов взаимодействия, наиболее распространенная в Туркменистане. Из этих выводов можно заключить, что эффективность и форма китайской культурной дипломатии в Центральной Азии определяются не только китайскими ресурсами и инициативами, но и институциональными характеристиками принимающей страны, характером государства, контролирующим обществом с точки зрения его чувствительности к китайскому присутствию и внешнеполитическими стратегиями стран региона.

Благодарность: Данное исследование выполнено в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP27511021 Эволюция интенсивности культурной дипломатии Китая по отношению к Казахстану: возможности и вызовы)

Ключевые слова: мягкая сила, КНР, ЦА, культурная дипломатия, принимающие государства

Введение

Китай выстраивает отношения со всеми странами Центральной Азии посредством инструментов «мягкой силы» - Институтов Конфуция, образовательных обменов, культурных

программ и связей со средствами массовой информации. Однако использование одних и тех же средств не обязательно приводит к одинаковым политическим и социальным результатам. Несмотря на критику универсализма концепции «мягкой силы», предложенной Дж. Найем (Най, 2004), и ее изначальную укорененность в либеральной западной теоретической традиции, она продолжает активно использоваться для анализа внешней политики незападных акторов, прежде всего Китая (Kurlantzick, 2007; d'Hooghe, 2015).

В китайском академическом и политическом дискурсе понятие «мягкой силы» было переосмыслено и адаптировано через концепцию 文化软实力 (культурной мягкой силы), в рамках которой акцент делается на цивилизационной преемственности, историческом наследии и культурной уникальности Китая как источнике международной привлекательности (Wang Huning, 2007). Это обусловило формирование особой модели культурной дипломатии КНР, в которой культурные, образовательные и гуманитарные инструменты тесно интегрированы с экономическими и институциональными инициативами внешней политики.

В последние десятилетия Китай последовательно расширяет инструменты своего внешнеполитического влияния, уделяя особое внимание стратегии «мягкой силы». В условиях трансформации мировой политической системы и усиления роли региональных акторов данная политика становится важным элементом продвижения национальных интересов Китая за пределами ее границ. Центральная Азия занимает в этой стратегии особое место, что обусловлено как геополитическим положением региона, так и его экономическим, транзитным и культурным потенциалом (Laruelle, Peyrouse, 2017; Peyrouse, 2018).

В настоящее время Китай существенно расширил свое присутствие в Центральной Азии, сочетая экономическую экспансию, институциональную дипломатию и культурно-гуманитарные инициативы. А региональные изменения делают связку «Китай – Центральная Азия» одним из главных узлов перестройки порядка в Евразии. В связи с этим, в научной литературе Китай и Центральная Азия становятся ключевым полем для исследования культурной дипломатии. Рост китайской вовлеченности в Азии рассматривается как фактор, меняющий баланс сил и форматы сотрудничества, при этом культурное измерение дополняет экономические и политические инструменты и помогает представить Китай как «конструктивного партнера» (Shambaugh, 2005). Одновременно критика чрезмерно оптимистичных оценок подчеркивает, что реакция соседей на усиление Китая далеко не однозначна, что делает изучение именно «мягких» и символических практик особенно важным (Khoo и др, 2005).

Центральная Азия является пространством, где ослабление прежнего российского доминирования и поиск альтернативных партнеров (в том числе Китая, ЕС, Турции) стимулируют внешнеполитическое маневрирование элит и переориентацию международных связей (Engvall, 2023). Это делает культурную дипломатию не второстепенным, а одним из инструментов выстраивания новых связей и символического дистанцирования от прежнего центра силы.

Центральная Азия характеризуется сложной и сдержанно-настороженной реакцией на китайскую активность. Исследования по «мягкой силе» Китая и инициативе «Пояс и путь» показывают, что значительные экономические вложения не превращаются автоматически в рост привлекательности: исторические травмы, территориальные споры и отношение к соплеменникам в Синьцзяне порождают протесты и националистический откат, несмотря на культурные проекты и риторику «дружбы» (Laruelle, Peyrouse, 2017; Peyrouse, 2018; Vanderhill и др, 2025).

Кроме того, Центральная Азия — «узел» пересечения и конкуренции культурных векторов (российского, китайского, исламского, турецкого, западного). В такой многослойной среде китайская культурная дипломатия функционирует не в вакууме, а в условиях постоянного сопоставления и конкуренции нарративов. Государства региона используют

китайские инициативы как ресурс внешнеполитического балансирования и одновременно выстраивают механизмы фильтрации и контроля культурного влияния (Allison, 2004).

Именно здесь отчетливо видна связка «наследие – инфраструктура – легитимация». Программы «Пояса и пути» сопровождаются проектами «дипломатии наследия»: совместные номинации объектов в Список всемирного наследия и переосмысление Шелкового пути как общей истории призваны закрепить китайское присутствие как «естественное» и взаимовыгодное (Sciorati, 2022; Winter, 2014).

Всё это делает Китай и страны Центральной Азии уникальной лабораторией для изучения того, как культурная дипломатия и мягкая сила работают (или дают сбои) в условиях асимметрии, исторического недоверия и конкурирующих идентичностей.

Несмотря на значительный интерес к данной теме в прикладных исследованиях, комплексный сравнительный анализ культурной дипломатии Китая во всех странах Центральной Азии с учетом внутренних реакций, государственных регулирований и региональных особенностей остается недостаточно проработанным, что определяет высокую актуальность данного исследования.

Целью данного исследования является всесторонний анализ стратегий, механизмов и результатов культурной дипломатии Китая в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), а также сопоставление этих процессов с реакциями внутреннего общества, государственной политики и институциональными практиками в каждой из стран региона.

Для достижения поставленной цели в статье предполагается решение следующих исследовательских задач:

1. Проанализировать отличия институциональных структур китайской культурной дипломатии в пяти центральноазиатских государствах.
2. Исследовать как институты принимающего государства выступают посредниками, адаптируют или ограничивают эти инициативы.
3. Выявить факторы, способствующие и/или ограничивающие эффективность культурной дипломатии Китая в Центральной Азии, с учетом социально-культурного контекста и политической чувствительности региона.
4. Определить влияние культурной дипломатии Китая на формирование образа КНР и на трансформацию культурного пространства стран Центральной Азии.
5. Сформулировать типологию моделей взаимодействия Китая и стран Центральной Азии в сфере культурной дипломатии на основе сравнительного анализа.
6. Разработать аналитические выводы и обобщения, позволяющие оценить перспективы развития культурной дипломатии Китая в регионе в среднесрочной перспективе.

Научная новизна исследования заключается в:

- комплексном сравнительном подходе – впервые проводится сопоставительный анализ китайской культурной дипломатии во всех пяти странах Центральной Азии с учётом институциональных, социальных и политических аспектов;
- сопоставлении внешних инициатив и внутренних реакций – анализ не ограничивается описанием китайских программ, но также включает изучение того, каким образом данные инициативы воспринимаются в обществе, как на них реагируют государственные структуры и как они влияют на культурную автономию и национальные идентичности стран региона;
- выявлении моделей государственного регулирования и агентств — исследование систематизирует формы взаимодействия центральноазиатских государств с Китаем, включая законодательное регулирование, принципы поддержки/контроля культурных инициатив, роль государственных и негосударственных акторов (организаций, институтов, общественных движений);

- прояснении трансформации культурных коммуникаций — анализ динамики культурных обменов с 2000-х годов по настоящее время с использованием качественных и количественных индикаторов.

Практическая значимость исследования. Данное исследование предоставляет аналитическую базу для государственных органов и дипломатических служб стран Центральной Азии, заинтересованных в выработке эффективной культурно-дипломатической политики и совершенствовании взаимодействия с КНР. Также результаты исследования способствуют повышению качества культурных программ и обменов, предлагая рекомендации по адаптации инициатив к национальным контекстам. Материалы исследования могут служить инструментом оценки рисков и возможностей в сфере мягкой силы и культурного влияния для международных институций, образовательных и культурных организаций; в практических материалах — мониторинговых отчетах, стратегиях развития дипломатии, образовательных программах по международным отношениям.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретических подходов к изучению культурной дипломатии в международных отношениях, особенно в контексте малоизученных региональных взаимодействий КНР с Центральной Азией. В статье предлагается интеграционная модель анализа культурной дипломатии, сочетающей внешнеполитические, социокультурные и институциональные переменные. Исследование вносит вклад в литературу по мягкой силе, трансграничным культурным коммуникациям и геокультурной политике. Материалы исследования могут быть использованы в качестве методологических основ для дальнейших сравнительных исследований культурных дипломатий других крупных игроков (например, ЕС, США, Турции) в сопоставимых регионах.

Материалы и методы исследования

Эмпирической и источниковой базой исследования послужили официальные нормативно-правовые и программные документы Китайской Народной Республики, регламентирующие реализацию культурной дипломатии, а также межправительственные соглашения и меморандумы о культурном и гуманитарном сотрудничестве между КНР и государствами Центральной Азии. В работе использованы материалы профильных государственных ведомств, отчеты международных и региональных организаций, статистические данные о культурных и образовательных обменах, включая показатели деятельности Институтов Конфуция, академической мобильности и культурных мероприятий за период с начала 2000-х годов по 2024 год, что позволяет отследить динамику трансформации культурной дипломатии Китая в регионе.

Дополнительный эмпирический материал составили публикации китайских и центральноазиатских средств массовой информации, аналитические обзоры исследовательских центров, а также экспертные оценки, представленные в научных статьях и докладах. Для анализа общественного и экспертного восприятия культурно-дипломатических инициатив КНР были привлечены материалы интервью, комментарии специалистов и данные вторичных социологических исследований, доступные в открытых источниках.

Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход, сочетающий инструментарий международных отношений, культурологии и региональных исследований. В качестве ключевого метода использован сравнительный анализ, позволивший выявить сходства и различия в реализации культурной дипломатии Китая в пяти странах Центральной Азии с учётом национального контекста, уровня институционализации и особенностей государственного регулирования. Контент-анализ применялся для систематического изучения официальных документов, программных заявлений и медиадискурса, что дало возможность выявить доминирующие нарративы и приоритеты культурной политики.

Для анализа общественного и экспертного восприятия культурно-дипломатических инициатив КНР использовались данные вторичных социологических исследований, материалы интервью и экспертных комментариев, опубликованные в открытых источниках.

Для углубленного рассмотрения отдельных практик и проектов использовался метод кейс-стади, позволивший проанализировать конкретные примеры культурно-дипломатических инициатив и оценить их воздействие на принимающее общество. Институциональный анализ был направлен на изучение роли государственных и негосударственных акторов, задействованных в формировании и реализации культурной дипломатии, а также механизмов координации и регулирования в странах региона. Совокупность применённых материалов и методов обеспечила комплексный и системный характер исследования, а также позволила сформировать обоснованные выводы о специфике и результативности культурной дипломатии Китая в Центральной Азии.

Обсуждение

Исследования, посвященные китайской культурной дипломатии, часто рассматривают теоретические основы культурной дипломатии и мягкой силы, а также отдельные инструменты внешнего культурного воздействия Китая, анализ китайского присутствия в ЦА. Анализ существующей литературы позволяет выявить постепенный переход от преимущественно анализа Китая как инициатора и источника культурного влияния, к более сложному пониманию культурной дипломатии как процесса взаимодействия.

Существенная часть работ сосредоточена на отдельных инструментах китайской культурной дипломатии – Институтах Конфуция, переводческой политике, медиа-проектов, наследии – и рассматривает их преимущественно как односторонние каналы проекции влияния. Так, исследования по культурной дипломатии часто анализируют её как создание сетей сотрудничества через язык, образование и культурный обмен, но главным образом с точки зрения иницирующей стороны (Winter, 2014). Такой подход позволяет выявить институциональную и стратегическую составляющие культурной дипломатии – то, что государство стремится транслировать, однако в меньшей степени объясняет как это воспринимает и принимает принимающая сторона, и как это трансформируется в процессе.

Даже в новейших работах, посвящённых институциональному устройству Институтов Конфуция, акцент делается на внутренней логике управления, легитимности и устойчивости этих институтов, но гораздо меньше – на том, как принимающие страны Центральной Азии переопределяют формат их работы под свои интересы (Zhu, Li, 2023). Это отражает более широкий поворот исследовательской литературы от описания отдельных культурных инициатив к анализу условий их функционирования. Однако анализ «набора инструментов» Китая при этом редко сводится в целостную картину культурной дипломатии именно в центральноазиатском контексте, где эти инструменты постоянно пересекаются и конкурируют с другими влияниями. Иными словами, наличие китайского институционального инструмента само по себе еще не свидетельствует о его одинаковой эффективности или одинаковом содержательном наполнении в разных странах.

Еще одно крупное направление связано с изучением китайского присутствия непосредственно в Центральной Азии. В отличие от глобальных исследований мягкой силы, региональная литература позволяет учитывать исторические, политические, экономические и социальные особенности взаимодействия Китая с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Например, эмпирические данные по реализации проектов «Пояса и пути» показывают, что местные элиты активно используют китайские ресурсы для укрепления собственной власти, перераспределения ренты и внешнеполитического маневрирования, что порождает серьезный разрыв между элитным сотрудничеством и массовым восприятием (Owen, 2020).

Аналогично, работы о переводе как инструменте культурной дипломатии Китая подчеркивают, как тесная связь с пропагандистской системой и ориентация на «экспорт» исходной культуры ограничивают привлекательность таких инициатив для зарубежной аудитории (Jiang, 2021). При этом, редко прослеживается, как центральноазиатские партнёры интерпретируют, адаптируют или селективно принимают эти переводы и культурные продукты, вписывая их в свои национальные идеологические и языковые стратегии. Перевод в данном случае не может рассматриваться исключительно как техническая передача содержания, так как он предполагает отбор, интерпретацию и адаптацию, осуществляемые как институциональными посредниками, так и самой принимающей аудиторией. Тем не менее этот аспект пока значительно слабее представлен в исследованиях китайской культурной дипломатии, чем анализ механизмов производства и распространения исходного контента.

Как видим, современная историография постепенно переходит от анализа китайской культурной дипломатии как преимущественно односторонней проекции влияния к изучению взаимодействия между государством-инициатором и принимающей средой. Однако данный переход пока не является последовательным во всех направлениях исследований. Остается слабо исследованным как правительства и культурные институты стран ЦА перенастраивают китайские проекты под внутренние приоритеты (гос-языковая политика, нацстроительство, легитимация режимов); какие ограничительные или фильтрующие механизмы они выстраивают (квоты, форматы партнерства, контроль контента) и как общества реагируют на китайские культурные инициативы: где они становятся ресурсом карьерной мобильности, а где – объектом подозрений и протеста.

Существуют работы, описывающие роль Китая в регионе в целом, но им, как правило, не хватает систематического сравнения стран Центральной Азии по типу режима, уровню экономической зависимости, силе альтернативных культурных векторов и структуре общественного мнения. Исследования мягкой силы Китая в регионе ещё только начинают связывать вариативность ответов с конкретными историческими, этнополитическими и географическими факторами, но эта линия пока не стала доминирующей (Vanderhill и др., 2025). Такой подход представляет собой важный шаг за пределы представления о Центральной Азии как о едином объекте китайской политики. Вместе с тем систематическое сравнительное исследование именно культурно-дипломатических инструментов Китая в пяти государствах Центральной Азии остается недостаточно развитым.

В совокупности историографический анализ показывает, что современная литература достаточно подробно реконструирует инструментарий и стратегические намерения Китая, однако значительно слабее объясняет вариативность ответов принимающих государств и обществ. Сохраняется разрыв между анализом высокоуровневой дипломатии и эмпирикой «снизу»: официальные дискурсы, соглашения и стратегии изучены гораздо лучше, чем повседневные практики университетов, НКО, городских сообществ, религиозных и национальных групп, которые непосредственно сталкиваются с китайскими культурными инициативами.

Для качественного анализа необходимо фокусироваться на взаимных реакциях и локальных стратегиях. Указанные пробелы означают, что без учёта активной позиции стран Центральной Азии исследование культурной дипломатии Китая остается односторонним.

Анализ, который ставит в центр ответные шаги правительств, элит и обществ ЦА, их стратегии адаптации, селективного принятия или сопротивления китайским инициативам, а также перекрестное влияние других внешних акторов, позволяет:

1. Перейти от описания «комплекта инструментов» Китая к пониманию культурной дипломатии как динамического процесса взаимодействия.

2. Показать, что результат культурной дипломатии — это не просто сумма усилий со стороны КНР, а продукт переговоров и конкуренции в многополярном символическом пространстве региона.

3. Связать культурный уровень с более широкой трансформацией регионального порядка, в которой культурная дипломатия одновременно служит ресурсом влияния Китая и инструментом внешнеполитического балансирования самих стран Центральной Азии.

Китай встраивает культурную дипломатию в более широкий пакет инициативы «Пояс-путь» («экономического поворота на Запад»), используя единый набор инструментов (язык, наследие, медиа, образование), но адаптируя его под политический режим, уровень открытости и общественные настроения каждой страны; при этом значительные вложения не приводят к линейному росту «привлекательности» Китая из-за исторических травм, вопросов Синьцзяна и внутренних конфликтов в странах ЦА (Khoo и др., 2005; Vanderhill и др., 2025; Sciorati, 2022, Porto, 2020; Zhu, Li, 2023; Jiang, 2021; Dall’Agnola, 2025).

Проведённый анализ позволил реконструировать многоуровневую архитектуру культурной дипломатии Китая в Центральной Азии и выявить её дифференцированную результативность в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Полученные данные показали, что во всех пяти странах фиксируется опора Китая на устойчивую сеть формальных институтов: Институты Конфуция и культурные центры, совместные кафедры и программы двойных дипломов, стипендиальные линии, а также двусторонние исследовательские проекты и издательские программы.

Основным инструментом «мягкой силы» Китая в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане стали образование и язык, базовой осью которых являются Институты Конфуция, кафедры китаеведения, образовательные стипендии и краткосрочные стажировки. Формат «совместного управления» делает эти институты типичным примером государственной культурной дипломатии с множеством акторов (Zhu, Li, 2023). Экономические инициативы также активно связывают эти страны по продвижению китайского присутствия.

Казахстан

С целью признания и сохранения исторического и культурного наследия Шелкового пути, а также стимулирования экономического сотрудничества, была создана совместная заявка «Коридор Чанъань – Тянь-Шань» в ЮНЕСКО, кроме того проводятся фестивали и выставки, где Китай задаёт синоцентричную интерпретацию общего прошлого, но одновременно подчеркивает суверенитет Казахстана как партнёра (Sciorati, 2022). Подобные соглашения о сотрудничестве с китайскими инвестпроектами, спонсорство культурных событий крупными китайскими компаниями позитивно освещаются в СМИ. Что показывает позитивное восприятие элитой Казахстана, которые видят в Китае ключевого экономического и транспортного партнера и используют китайские ресурсы для многовекторной политики.

Что же касается общественного мнения, оно амбивалентно: растёт прагматический интерес к китайскому языку и образованию, но устойчивыми остаются страхи «земельных уступок», демографического давления и последствий политики в Синьцзяне.

Чтобы контролировать ситуацию и сохранять ее стабильной и взаимовыгодной, власти Казахстана используют следующие механизмы и агенты управления:

- МИД, Минобразования, Минкультуры — заключают и корректируют соглашения по Институтам Конфуция, обменов, культурным центрам.;
- Совет безопасности и силовые органы — определяют «красные линии» (Синьцзян, протесты против китайских проектов). ;
- законодательство о СМИ и языковая политика ограничивают объем и формат китайского медиаконтента и статуса китайского языка.

Кыргызстан

В Кыргызстане публичная дипломатия Китая осуществляется «снизу», то есть китайский малый и средний бизнес, рынки, инфраструктурные подрядчики как неформальные «носители» Китая. В СМИ Кыргызстана проекты в рамках инициативы “Пояс-Путь” акцент на модернизации инфраструктуры и рабочих местах; при этом сами BRI-проекты часто

противоречивы и формируют клиентелистские сети с местными элитами (Owen, 2020). Что влияет на разделение мнений и восприятие элитой и обществом: элиты ценят китайские кредиты и инфраструктуру, а население регулярно выражает антикитайские настроения (протесты против конкретных заводов, риторика о «долговой ловушке»), а Китай воспринимается одновременно как источник заработка и как потенциальная угроза (Meehan, 2024).

В связи с этим парламент и оппозиция политизируют китайские инициативы, могут блокировать или пересматривать соглашения; НКО, независимые медиа и уличные протесты выступают в качестве важного канала «обратной связи», вынуждающий власти пересматривать форматы сотрудничества (Vanderhill и др., 2025; Dall’Agnola, 2025).

Для регулирования процессов Кыргызстан также использует МИД и отраслевые министерства в качестве основного механизма и агента управления, чтобы фильтровать крупные проекты и связанные с ними культурные инициативы.

Узбекистан

После либерализации 2010-х годов происходит быстрый рост образовательных и культурных проектов, активно эксплуатирующих образ общего наследия Шёлкового пути и взаимовыгодной модернизации. Данные проекты тесно связаны с технологическим партнёрством (цифровая инфраструктура, безопасность). Также активно развивается культурный туризм и Шёлковый путь, осуществляется поддержка проектов по Самарканду, Бухаре и другим узлам исторического маршрута.

Таким образом, культурная дипломатия вплетается в «экономический поворот» Китая к Узбекистану, служа легитимацией расширяющегося экономического присутствия (Olcott, 2005).

Восприятие в обществе в целом позитивное. Государственная политика отличается прагматизмом и попыткой балансировать между различными внешними центрами силы, другими словами, элиты используют Китай как ключевой ресурс диверсификации экономики и внешней политики (Olcott, 2005). Широкая общественность проявляет меньше открытого протеста, чем в Казахстане и Кыргызстане, но сохраняются опасения по поводу зависимости и контроля над стратегическими секторами (Dadabaev, 2018; Gong и др., 2015; Kashin, Korolev, 2018).

Сильный президентский центр и правительство дозируют степень публичности и символической видимости китайских проектов. А министерства образования, инноваций и туризма выступают в качестве основного канала для китайских культурных и академических инициатив.

Государственные медиа конструируют образ КНР как партнёра модернизации, одновременно фильтруя и резкую критику, и чрезмерно навязчивую китайскую пропаганду.

Таджикистан

В Таджикистане параллельно с военным и пограничным сотрудничеством Китай развивает языковые программы, культурные мероприятия и символические жесты (памятники, реставрация объектов). Через формат ШОС и двусторонние визиты культурная повестка подается как часть «общей региональной безопасности» и «исторической дружбы» (Ong, 2005).

В официальном дискурсе преобладает позитивный образ Китая, критика маргинализована. Однако в обществе на повседневном уровне фиксируются опасения по поводу земельных уступок, долговой зависимости и экологических рисков (Tang, Joldybayeva, 2022; Diener, 2014), но они редко становятся предметом публичного обсуждения. Так как над СМИ и НКО осуществляется жесткий контроль, что фактически исключает независимую артикуляцию общественного мнения о Китае.

Администрация президента и Совет безопасности выступают в качестве главных фильтров всех китайских инициатив, включая культурные. Министерства образования и

культуры интегрируют китайские программы преимущественно через государственные учреждения, без развития альтернативных каналов.

Туркменистан

Стратегии Китая в Туркменистане можно охарактеризовать как культурную дипломатию низкой видимости. Точечные стипендии и языковые курсы, отдельные культурные мероприятия, завязанные на газовой-энергетическое сотрудничество. Работа китайских медиа и культурных акторов почти полностью опосредована государственными каналами Туркменистана и выполняет в основном символическую функцию в поддержке энергетического партнерства. Жёстко регулируемый политический режим и ограниченность внешних контактов сужают поле культурной дипломатии до нескольких высококонтролируемых проектов, преимущественно связанных с энергетическим сотрудничеством (Tang, Joldybayeva, 2022).

Восприятие в обществе публично представляет Китай как надежный покупатель газа и дружественный партнер. Реальное общественное восприятие реконструируется главным образом по косвенным данным и, вероятно, определяется государственным нарративом.

Тотальный контроль над СМИ и интернетом жёстко ограничивает видимость и содержание китайского культурного присутствия. Сам же президент, а также МИД и руководство газового сектора являются почти монопольными посредниками общения с Китаем. Регуляция образования и религии минимизирует возможность появления неконтролируемых каналов китайского влияния.

Таким образом, альтернативные интерпретации практически отсутствуют из-за закрытости режима.

Результаты исследования

Китай осуществляет культурное присутствие в ЦА не только через Институты Конфуция, но и через широкий массив инструментов: культурные центры, совместные образовательные структуры, программы двойного диплома, крупные стипендии и совместные исследовательские проекты. Согласно анализу данных за последние 5 лет были выявлены следующие цифры:

Таблица 1 – Сравнительный анализ культурного присутствия КНР в ЦА на основе данных источников МИД КНР, Казинформ, китайского агентства Синьхуа и других (Working Together..., 2023; Hosaka, Hanso, 2025; Китайские вузы..., 2025; ЦА – КНР..., 2025; Дылдаев, 2026; Синьцзян расширяет..., 2025; Китайско-туркменские...; Expanding China's..., 2026).

Страна	Институты Конфуция	Китайские культурные центры / Мастерские Лу Баня	Совместные кафедры / программы двойных дипломов	Стипендиальные линии	Двусторонние исследовательские/издательские проекты
Казахстан	5	Планируется учреждение культурных центров по инициативе Саммита «Китай –	СЗПУ + КазНУ — программа «2+2» с двойными дипломами	Правительственные стипендии КНР для студентов ЦА (включая Казахстан)	Китайско-казахстанский элитный инженерный институт; обмены в гуманитарных проектах, публикации архивных китайско-казахских источников

		Центральная Азия»			
Кыргызстан	4	«Мастерские Лу Баня» и культурные программы предлагаются в формате сотрудничества «Китай–ЦА»	Соглашение о создании института в ОшТУ (архитектура) совместно с китайским вузом	Стипендии КНР по линии межправительственных договоров	Кыргызско-китайский факультет (БГУ) — стажировки, конференции, публикации в области истории и культуры
Узбекистан	2	Расширение культурных центров предусмотрено в Астанинской декларации и по инициативам «Китай–ЦА»	Филиалы китайских вузов/программы совместных программ (например, СЗПУ-Узбекистан)	КНР выделяет стипендии для студентов Узбекистана	Международные научные проекты, конференции по культурному туризму и Шёлковому пути
Таджикистан	2	Ускоренное учреждение центров культуры и традиционной медицины согласно инициативам «Китай – ЦА»	Обменные программы в медицине/Языковые курсы в сотрудничестве с вузами Синьцзяна	Правительственные стипендии КНР для студентов ЦА	Совместные образовательные проекты и конференции по культурному диалогу (в рамках Саммита)
Туркменистан	0	Центры китайского языка/культуры при вузах, в т.ч. программы изучения китайского языка	Обмен преподавателей и студентов с китайскими университетами, включая медицинские и языковые программы	Правительственные стипендии для студентов ЦА (включая Туркменистан)	Обмен преподавателями и исследователями, совместные курсы по китайской медицине и традиционной культуре

Несмотря на отсутствие Института Конфуция, в Туркменистане функционируют китайские языковые и культурные курсы через Центр по обучению китайскому языку и сотрудничеству (Chinese Centre for Language Education and Cooperation), что по сути является

аналогичным инструментом культурного влияния, но не входит в формальную сеть институтов (Hosaka, Hanso, 2025).

В дополнение к институтам Конфуция в регионе действуют Институты Конфуция при школах, совместные университетские программы, а также стипендии и обмены – все они составляют расширенную экосистему китайского культурного присутствия (Expanding China's..., 2026).

В целом, масштабность и плотность сети формальных институтов и механизмов культурного влияния различаются: максимально развёрнутой она является в Казахстане и Узбекистане, умеренной – в Кыргызстане и Таджикистане, и точно адаптированной – в Туркменистане, где общенациональная политика ограничивает внешние культурные контакты и усиливает контроль над содержанием программ. Подобная институционализация соответствует общемировой тенденции превращения культурной дипломатии в отдельное направление государственной внешней политики (Mark, 2010)].

Сравнительный анализ пяти стран Центральной Азии позволил выделить три основных типа моделей взаимодействия КНР со странами Центральной Азии в культурно дипломатической сфере, каждая из которых сочетает специфическое соотношение институциональной интеграции, политического контроля и «пакетизации» с экономическими механизмами.

Модель институциональной интеграции (интегрированная, прагматическая)

Для Казахстана и в значительной мере Узбекистана характерна модель глубокой институциональной встройки китайских культурно образовательных структур в национальные системы (университеты, исследовательские центры, культурные учреждения), что сопровождается масштабными образовательными, инфраструктурными и торговыми соглашениями (Kavalski, 2010).

Ключевые черты:

- развитая сеть Институтов Конфуция, Мастерских Лу Баня, совместных образовательных программ;
- тесная увязка культурных инициатив с энергетическими и транспортными проектами, функционирующими как материальный «каркас» сотрудничества (Тап, Joldybayeva, 2022);
- официальная риторика «стратегического партнёрства» и модернизационного альянса.

Результат – высокая формальная легитимность и институциональная устойчивость культурного присутствия Китая, но одновременно рост общественных дискуссий о зависимости, суверенитете и «долговой дипломатии» (Yilmaz, Dosbolov, 2025).

Модель элитно ориентированного партнёрства (контролируемая адаптация)

В Таджикистане и части проектов в Кыргызстане взаимодействие принимает форму точечного, элитно-центричного партнерства, где культурные и образовательные программы тесно связаны с инфраструктурными, энергетическими и безопасностными соглашениями (Perminova, 2024).

Ключевые черты:

- ограниченное число высокостатусных программ (целевые стипендии, элитарные обучающие проекты, культурные мероприятия для узких аудиторий);
- концентрация выгод в руках политико экономических элит, для которых китайские ресурсы – инструмент укрепления режимной устойчивости;
- слабая горизонтальная диффузия культурных инициатив в общество и относительно низкий уровень открытой полемики, за исключением вспышек протестной активности в более политически чувствительном Кыргызстане (Vanderhill и др., 2025).

Такая модель обеспечивает прагматичное восприятие Китая на уровне правящих кругов, но воспроизводит разрыв между элитной и массовой рецепцией.

Модель дозированного допуска / режимного контроля (режимная фильтрация)

Туркменистан и отдельные закрытые сектора в других странах региона демонстрируют модель жёстко контролируемого допуска китайских культурных инициатив.

Ключевые черты:

- строго квотированные культурные контакты через официальные каналы;
- высокий уровень цензуры и предварительного согласования контента;
- ограничение самостоятельного участия местных НКО и академического сообщества.

В результате культурное присутствие Китая становится малозаметным в публичном пространстве и носит латентный характер: оно существует в виде протокольной символики, отдельных визитов и мероприятий, практически не будучи встроенным в повседневные практики населения.

Эти три типа следует рассматривать как идеальные конструкции в веберовском смысле: в реальности страны ЦА комбинируют их элементы, а переходы между моделями обусловлены изменениями внутреннего политического режима, степени протестной чувствительности, а также внешнеполитической конъюнктуры и конкуренцией других внешних акторов (Россия, ЕС, США, Турция, Индия) (Stobdan, 2004). Китайская культурная дипломатия при этом демонстрирует высокую адаптивность, но структурно остаётся встроенной в более широкие режимы безопасности и экономического влияния (Kavalski, 2010).

Заключение

Дискурс мягкой силы традиционно предполагает одностороннюю модель: государство-источник посылает культурные сигналы, а внешние аудитории их воспринимают. Однако как показывает практика, существует различие государственных, интерес-ориентированных практик и более горизонтальных культурных отношений, что порождает необходимость рассматривать культурную дипломатию как потенциально взаимный, а не только проекционный процесс (Ang, 2015).

Исходя из рассмотренных подходов, эмпирический анализ китайской культурной дипломатии в странах ЦА строится вокруг четырех пересекающихся измерений, а именно ресурсы и инструменты мягкой силы Китая, восприятия и репутационный капитал элиты и общества ЦА, региональные механизмы и агенты управления, и степень взаимности культурного взаимодействия.

Такое теоретическое сочетание позволяет уйти от линейного вопроса «эффективна ли китайская мягкая сила?» и перейти к более сложному анализу: как именно культурная дипломатия Китая со-формируется, ограничивается и переосмысливается в Центральной Азии через управление восприятием, региональный агентизм и (не)взаимный характер культурного обмена.

Режимы Центральной Азии встраивают китайскую культурную дипломатию в свои собственные внешнеполитические и внутренние приоритеты, варьируясь от активного институционального партнёрства (Казахстан, Узбекистан) до селективного допуска и жёсткого контроля (Туркменистан). Это соответствует более широкой логике поведения слабых и средних государств в условиях конкуренции великих держав в регионе (Olcott, 2005; Wilhelmsen, Flikke, 2014). Культурная дипломатия воспринимается не только как ресурс имиджа и развития, но и как потенциальный канал политического влияния и социально ценностной трансформации. В условиях авторитарных и гибридных режимов она неизбежно попадает в поле зрения силовых и надзорных институтов, что стимулирует введение регуляторных фильтров, ограничений на НКО и контроль за учебными программами (Urinboyev, 2015).

Сопоставление образовательных, медийных и институциональных эффектов с данными о восприятии Китая в регионе показывает, что несмотря на рост культурной видимости и расширение контактных зон, трансформация ценностей и устойчивых идентичностей происходит крайне ограниченно и часто асимметрично. Исторически укоренённые

представления о внешнем вмешательстве, опыт советской культурной инженерии и постсоветские дебаты о суверенитете и исламской идентичности создают мощные фильтры восприятия (McGlinchey, 2005; Нуман, 1993).

Анализ показал, что современная модель культурной дипломатии и мягкой силы Китая в ЦА основывается на взаимном культурном взаимодействии и включает несколько уровней:

1. *Институциональный*: совместные проекты, где страны ЦА выступают не только «принимающей стороной», но и со-дизайнерами программ (со-организация фестивалей, совместные образовательные траектории, двусторонние культурные бренды «Шёлкового пути» и т.п.).

2. *Общественный*: обмены между профессиональными сообществами, НКО, городами-побратимами, университетами, где нормы и форматы взаимодействия вырабатываются не только «сверху».

3. *Дискурсивный*: конкурирующие нарративы о прошлом и будущем региона. Например, чья именно «цивилизация Шелкового пути» становится центральной в совместных проектах.

Сравнительные исследования культурной дипломатии указывают, что односторонняя проекция (как в японском кейсе «Cool Japan») часто приводит к поверхностному распространению продуктов без подлинного диалога и нередко игнорирует как внешние чувствительности, так и внутреннее культурное разнообразие (Iwabuchi, 2015).

Для Китая в Центральной Азии это означает риск воспроизводства «односторонней» модели, где китайские нарративы и форматы задаются как доминирующие, а локальные голоса и интерпретации оказывались на периферии.

Одновременно исследования «дипломатии наследия» ЕС показывают, что даже в формально асимметричных проектах возможно построение более взаимной модели, где внешняя культурная политика переплетена с внутренними дебатами, а объекты наследия становятся площадками для многосторонних встреч и переосмыслений (Mäkinen и др., 2022).

Применительно к Китаю и ЦА предлагаемое теоретическое различие таково:

Эмпирические данные по пяти странам Центральной Азии показывают, что культурная дипломатия КНР прежде всего повышает видимость Китая и закрепляет за ним имидж «партнёра модернизатора» и технологически продвинутого актора. Это особенно заметно в среде городской, образовательной и профессионально мобильной молодёжи, для которой китайские языковые курсы, стипендии, академическая мобильность и участие в проектах, связанных с инициативой «Пояс и путь», становятся каналами вертикальной и горизонтальной социальной мобильности (Vanderhill и др., 2025).

Китай остается главным инициатором, определяющим темы, форматы и временные горизонты культурных программ, при минимальном учете локальной повестки. А страны ЦА используют китайские ресурсы для продвижения собственных культурных проектов, норм и идентичностей, а также выдвигают встречные требования к содержанию и символике совместных инициатив.

Таким образом, перспектива развития культурной дипломатии КНР в Центральной Азии в ближайшие годы представляется как траектория институционального углубления при ограниченном символическом дивиденде: Китай закрепит статус ключевого культурно образовательного актора, но его «мягкая сила» останется селективной, контекстно зависимой и уязвимой к внутренним и внешним политическим динамикам.

Для государств Центральной Азии задача состоит не только в максимизации прагматических выгод от китайской культурной дипломатии, но и в минимизации связанных с ней политических и социокультурных рисков. В среднесрочной перспективе это предполагает:

- институционализацию механизмов прозрачности и общественного контроля над крупными «пакетными» соглашениями;

- усиление локального участия в разработке и реализации культурно образовательных программ;

- формирование собственной, проактивной повестки культурной дипломатии, позволяющей использовать китайские ресурсы не только как источник модернизации, но и как поле для репрезентации и укрепления национальных культур и историй (Mark, 2010).

В этих условиях перспективу развития культурной дипломатии КНР в регионе можно описать как траекторию институционального углубления при устойчиво спорном и поляризованном символическом эффекте.

Литература:

Агентство Синьхуа, 2025 – Китайские вузы углубляют образовательное сотрудничество со странами Центральной Азии // Агентство Синьхуа. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/070SJ7EJ.html> (Дата обращения: 01.02.2026).

Allison, 2004 – Allison R. Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia // International Affairs. 2004. Vol. 80. № 3. С. 463–483.

Ang, Isar, Mar, 2015 – Ang I., Isar Y. R., Mar P. Cultural Diplomacy: Beyond the National Interest? // International Journal of Cultural Policy. 2015. Vol. 21. № 4. С. 365–381.

Википедия – Китайско-туркменские отношения // Википедия : свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайско-туркменские_отношения (Дата обращения: 01.02.2026).

Dadabaev, 2018 – Dadabaev T. The Chinese Economic Pivot in Central Asia and Its Implications for Uzbekistan // Asian Survey. 2018. Vol. 58. № 4. С. 692–715.

Dall'Agnola, 2025 – Dall'Agnola J. From Old to New Colonial Dependencies: Public Perceptions of Chinese Surveillance Cameras in Central Asia // Swiss Political Science Review. 2025.

d'Hooghe, 2015 – d'Hooghe I. China's Public Diplomacy. Leiden; Boston: Brill, 2015. 310 с.

Diener, 2014 – Diener A. C. Globalizing Central Asia: Geopolitics and Challenges of Economic Development // Geographical Review. 2014. Vol. 104. № 2. С. 254–257.

Дылдаев – Дылдаев М. Китай – Центральная Азия: углубление сотрудничества. Роль китайской культуры и философии в современном мире. Бишкек: Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева. [Электронный ресурс] URL: <https://bhu.kg/ru/kitaj-centralnaja-azija-uglublenie-sotrudnichestva-rol-kitajskoj-kultury-i-filosofii-v-sovremennom-mire/> (Дата обращения: 01.02.2026).

Engvall, 2023 – Engvall J. Central Asia Moves Beyond Russia // Current History. 2023. Vol. 122. № 846. С. 261–267.

Expanding China's... – Expanding China's Education Diplomacy in Central Asia. Turkistan: Akhmet Yassawi University; Eurasian Research Institute. [Электронный ресурс] URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/expanding-chinas-education-diplomacy-in-central-asia/> (Дата обращения: 01.02.2026).

Gong, Song, Liu, 2015 – Gong P., Song Z., Liu W. A study on trade pattern of China with Russia and Central Asia // Geographical Research. 2015. Vol. 34. С. 812–824.

Hosaka, Hanso, 2025 – Hosaka S., Hanso T. Between Giants: Central Asia Balancing China, Russia, and the Rest. Tallinn: ICDS, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://icds.ee/static/icds_report_between_giants_sanshiro_hosaka_toomas_hanso_september_2025.pdf (Дата обращения: 01.02.2026).

Hyman, 1993 – Hyman A. Moving out of Moscow's Orbit: The Outlook for Central Asia // International Affairs. 1993. Vol. 69. № 2. С. 289–304.

Iwabuchi, 2015 – Iwabuchi K. Pop-Culture Diplomacy in Japan: Soft Power, Nation Branding and the Question of 'International Cultural Exchange' // International Journal of Cultural Policy. 2015. Vol. 21. № 4. С. 419–432.

- Jiang, 2021 – *Jiang M.* Translation as Cultural Diplomacy: A Chinese Perspective // *International Journal of Cultural Policy*. 2021. Vol. 27. № 7. С. 892–904.
- Kashin, Korolev, 2018 – *Kashin V., Korolev A.* China's Foreign Aid to Central Asia States // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. № 3. С. 78–85.
- Kavalski, 2010 – *Kavalski E.* Shanghaied into Cooperation: Framing China's Socialization of Central Asia // *Journal of Asian and African Studies*. 2010. Vol. 45. № 2. С. 131–145.
- Казинформ, 2025 – ЦА – КНР: культурный мост и медиаинициативы // Казинформ. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.inform.kz/ru/tsa-knr-kulturniy-most-i-mediainitsiatiivi-21367d> (Дата обращения: 01.02.2026).
- Khoo, Smith, Shambaugh, 2005 – *Khoo N., Smith M. L. R., Shambaugh D.* China Engages Asia? Caveat Lector // *International Security*. 2005. Vol. 30. № 2. С. 196–211.
- Kurlantzick, 2007 – *Kurlantzick J.* Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. New Haven: Yale University Press, 2007. 352 с.
- Laruelle, Peyrouse, 2017 – *Laruelle M., Peyrouse S.* China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. Washington, DC: Central Asia Program, 2017. 192 с.
- Lo Porto, 2020 – *Lo Porto G.* Cultural diplomacy: building an international cooperation network // *Public Administration*. 2020. Vol. 22. № 1. С. 58–60.
- Mäkinen, Lähdesmäki, Kaasik-Krogerus, Čeginskas, Turunen, 2022 – *Mäkinen K., Lähdesmäki T., Kaasik-Krogerus S., Čeginskas V. L. A., Turunen J.* EU Heritage Diplomacy: Entangled External and Internal Cultural Relations // *International Journal of Cultural Policy*. 2022. Vol. 28. № 3. С. 285–300.
- Mark, 2010 – *Mark S.* Rethinking Cultural Diplomacy: The Cultural Diplomacy of New Zealand, the Canadian Federation and Quebec // *Political Science*. 2010. Vol. 62. № 1. С. 62–83.
- McGlinchey, 2005 – *McGlinchey E.* Autocrats, Islamists, and the Rise of Radicalism in Central Asia // *Current History*. 2005. Vol. 104. № 684. С. 336–342.
- Meehan, 2024 – *Meehan R.* Tweeting for Influence: Analysing France and China's Cultural Diplomacy on Social media, a Mixed Methods Approach // *European Review of International Studies*. 2024.
- Ministry of Foreign Affairs..., 2023 – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Working Together for a China–Central Asia Community with a Shared Future: Keynote Speech by Xi Jinping at the China–Central Asia Summit. 2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyjh/202405/t20240530_11341737.html (Дата обращения: 01.02.2026).
- Най, 2004 – *Най Дж. С.* Мягкая сила. Средства успеха в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2004. 286 с.
- Olcott, 2005 – *Olcott M.* The Great Powers in Central Asia // *Current History*. 2005. Vol. 104. № 684. С. 331–335.
- Ong, 2005 – *Ong R.* China's Security Interests in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2005. Vol. 24. № 4. С. 425–439.
- Owen, 2020 – *Owen C.* The Belt and Road Initiative's Central Asian Contradictions // *Current History*. 2020. Vol. 119. № 816. С. 259–264.
- Perminova, 2024 – *Perminova A. A.* The Evolution of China's Policy of Interaction with the Countries of Central Asia in the Field of Security // *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68. № 1. С. 48–61.
- Peyrouse, 2018 – *Peyrouse S.* Chinese Public Security Presence in Central Asia. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2018. 28 с.
- Sciorati, 2022 – *Sciorati G.* 'Constructing' Heritage Diplomacy in Central Asia: China's Sinocentric Historicisation of Transnational World Heritage Sites // *International Journal of Cultural Policy*. 2022. Vol. 28. № 7. С. 827–842.

Shambaugh, 2005 – *Shambaugh D.* China Engages Asia: Reshaping the Regional Order // *International Security*. 2005. Vol. 29. № 3. С. 64–99.

Синьхуа, 2025 – Синьцзян расширяет сотрудничество со странами Центральной Азии в области образования // Синьхуа (news.cn). 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://russian.ts.cn/system/2025/07/09/036968027.shtml> (Дата обращения: 01.02.2026).

Stobdan, 2004 – *Stobdan P.* Central Asia and India's Security // *Strategic Analysis*. 2004. Vol. 28. № 1. С. 54–83.

Tang, Joldybayeva, 2022 – *Tang W., Joldybayeva E.* Pipelines and Power Lines: China, Infrastructure and the Geopolitical (Re)construction of Central Asia // *Geopolitics*. 2022. Vol. 28. № 5. С. 1506–1534.

Urinboyev, 2015 – *Urinboyev R.* Local Government Capacity in Post-Soviet Central Asia // *Public Policy and Administration*. 2015. Vol. 14. № 3. С. 177–199.

Vanderhill, Joireman, Tulepbayeva, 2025 – *Vanderhill R., Joireman S., Tulepbayeva R.* In the Shadow of the Dragon: Chinese Soft Power in Central Asia // *International Affairs*. 2025. Vol. 101. № 1. С. 87–106.

王沪宁, 2007 – 王沪宁. 文化软实力研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2007. 312 页.

Wilhelmsen, Flikke, 2011 – *Wilhelmsen J., Flikke G.* Chinese–Russian Convergence and Central Asia // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. № 4. С. 865–901.

Winter, 2014 – *Winter T.* Heritage Diplomacy // *International Journal of Heritage Studies*. 2014. Vol. 20. № 6. С. 557–574.

Yilmaz, Dosbolov, 2025 – *Yilmaz S., Dosbolov A.* Debt-Trap Diplomacy of China towards the Turkestan Republics // *Bilig*. 2025.

Zhu, Li, 2023 – *Zhu B., Li X.* Transformational Governance Framework for Institutions of Cultural Diplomacy: The Case of the Chinese Confucius Institute // *International Journal of Cultural Policy*. 2023. Vol. 30. № 4. С. 491–510.

References:

Agency Xinhua, 2025 – Agency Xinhua. Kitayskiye vuzы uglublyayut obrazovatelnoye sotrudnichestvo so stranami Tsentralnoy Azii [Chinese universities deepen educational cooperation with Central Asian countries] // Agency Xinhua. 2025. [Electronic resource] URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/070SJ7EJ.html> (accessed 01.02.2026). (in Rus).

Allison, 2004 – *Allison R.* Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. № 3. P. 463–483. (in Eng)

Ang, Isar, Mar, 2015 – *Ang I., Isar Y. R., Mar P.* Cultural Diplomacy: Beyond the National Interest? // *International Journal of Cultural Policy*. 2015. Vol. 21. № 4. P. 365–381. (in Eng)

Dadabaev, 2018 – *Dadabaev T.* The Chinese Economic Pivot in Central Asia and Its Implications for Uzbekistan // *Asian Survey*. 2018. Vol. 58. № 4. P. 692–715. (in Eng)

Dall'Agnola, 2025 – *Dall'Agnola J.* From Old to New Colonial Dependencies: Public Perceptions of Chinese Surveillance Cameras in Central Asia // *Swiss Political Science Review*. 2025. (in Eng)

d'Hooghe, 2015 – *d'Hooghe I.* China's Public Diplomacy. Leiden; Boston: Brill, 2015. 310 p. (in Eng)

Diener, 2014 – *Diener A. C.* Globalizing Central Asia: Geopolitics and Challenges of Economic Development // *Geographical Review*. 2014. Vol. 104. № 2. P. 254–257. (in Eng)

Dyldayev – *Dyldayev M.* Kitay – Tsentralnaya Aziya: uglubleniye sotrudnichestva. Rol kitayskoy kultury i filosofii v sovremennom mire [China – Central Asia: deepening cooperation. The role of Chinese culture and philosophy in the modern world]. Bishkek: K. Karasayev university [Electronic resource] URL: <https://bhu.kg/ru/kitaj-centralnaja-azija-uglublenie-sotrudnichestva-rol-kitajskoj-kultury-i-filosofii-v-sovremennom-mire/> (accessed 01.02.2026). (in Rus).

- Engvall, 2023 – *Engvall J.* Central Asia Moves Beyond Russia // *Current History*. 2023. Vol. 122. № 846. P. 261–267. (in Eng)
- Expanding China's... – *Expanding China's Education Diplomacy in Central Asia*. Turkistan: Akhmet Yassawi University; Eurasian Research Institute. [Electronic resource] URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/expanding-chinas-education-diplomacy-in-central-asia/> (accessed 01.02.2026). (in Eng)
- Gong, Song, Liu, 2015 – *Gong P., Song Z., Liu W.* A study on trade pattern of China with Russia and Central Asia // *Geographical Research*. 2015. Vol. 34. P. 812–824. (in Eng)
- Hosaka, Hanso, 2025 – *Hosaka S., Hanso T.* Between Giants: Central Asia Balancing China, Russia, and the Rest. Tallinn: ICDS, 2025. [Electronic resource] URL: https://icds.ee/static/icds_report_between_giants_sanshiro_hosaka_toomas_hanso_september_2025.pdf (accessed 01.02.2026). (in Eng)
- Hyman, 1993 – *Hyman A.* Moving out of Moscow's Orbit: The Outlook for Central Asia // *International Affairs*. 1993. Vol. 69. № 2. P. 289–304. (in Eng)
- Iwabuchi, 2015 – *Iwabuchi K.* Pop-Culture Diplomacy in Japan: Soft Power, Nation Branding and the Question of 'International Cultural Exchange' // *International Journal of Cultural Policy*. 2015. Vol. 21. № 4. P. 419–432. (in Eng)
- Jiang, 2021 – *Jiang M.* Translation as Cultural Diplomacy: A Chinese Perspective // *International Journal of Cultural Policy*. 2021. Vol. 27. № 7. P. 892–904. (in Eng)
- Kashin, Korolev, 2018 – *Kashin V., Korolev A.* China's Foreign Aid to Central Asia States // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. № 3. P. 78–85. (in Eng)
- Kazinform, 2025 – TSA – KNR: kulturny most i mediainitsiativy [CA – PRC: cultural bridge and media initiatives] // *Kazinform*. 2025. [Electronic resource] URL: <https://www.inform.kz/ru/tsa-ksn-kulturniy-most-i-mediainitsiatiivi-21367d> (accessed 01.02.2026). (in Rus).
- Kavalski, 2010 – *Kavalski E.* Shanghaied into Cooperation: Framing China's Socialization of Central Asia // *Journal of Asian and African Studies*. 2010. Vol. 45. № 2. P. 131–145. (in Eng)
- Khoo, Smith, Shambaugh, 2005 – *Khoo N., Smith M. L. R., Shambaugh D.* China Engages Asia? Caveat Lector // *International Security*. 2005. Vol. 30. № 2. P. 196–211. (in Eng)
- Kurlantzick, 2007 – *Kurlantzick J.* Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. New Haven: Yale University Press, 2007. 352 p. (in Eng)
- Laruelle, Peyrouse, 2017 – *Laruelle M., Peyrouse S.* China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. Washington, DC: Central Asia Program, 2017. 192 p. (in Eng)
- Lo Porto, 2020 – *Lo Porto G.* Cultural diplomacy: building an international cooperation network // *Public Administration*. 2020. Vol. 22. № 1. P. 58–60. (in Eng). (in Eng)
- Mäkinen, Lähdesmäki, Kaasik-Krogerus, Čeginskas, Turunen, 2022 – *Mäkinen K., Lähdesmäki T., Kaasik-Krogerus S., Čeginskas V. L. A., Turunen J.* EU Heritage Diplomacy: Entangled External and Internal Cultural Relations // *International Journal of Cultural Policy*. 2022. Vol. 28. № 3. P. 285–300. (in Eng)
- Mark, 2010 – *Mark S.* Rethinking Cultural Diplomacy: The Cultural Diplomacy of New Zealand, the Canadian Federation and Quebec // *Political Science*. 2010. Vol. 62. № 1. P. 62–83.
- McGlinchey, 2005 – *McGlinchey E.* Autocrats, Islamists, and the Rise of Radicalism in Central Asia // *Current History*. 2005. Vol. 104. № 684. P. 336–342. (in Eng)
- Meehan, 2024 – *Meehan R.* Tweeting for Influence: Analysing France and China's Cultural Diplomacy on Social media, a Mixed Methods Approach // *European Review of International Studies*. 2024. (in Eng)
- Ministry of Foreign Affairs..., 2023 – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Working Together for a China–Central Asia Community with a Shared Future: Keynote Speech by Xi Jinping at the China–Central Asia Summit. 2023. [Electronic resource] URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyjh/202405/t20240530_11341737.html (accessed 01.02.2026). (in Eng)

- Nay, 2004 – *Nay Dzh. S.* Myagkaya sila. Sredstva uspekha v mirovoy politike [Soft power. The means to success in world politics]. Moskva: Aspekt Press, 2004. 286 p. (in Rus).
- Olcott, 2005 – *Olcott M.* The Great Powers in Central Asia // *Current History*. 2005. Vol. 104. № 684. P. 331–335. (in Eng)
- Ong, 2005 – *Ong R.* China's Security Interests in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2005. Vol. 24. № 4. P. 425–439. (in Eng)
- Owen, 2020 – *Owen C.* The Belt and Road Initiative's Central Asian Contradictions // *Current History*. 2020. Vol. 119. № 816. P. 259–264. (in Eng)
- Perminova, 2024 – *Perminova A. A.* The Evolution of China's Policy of Interaction with the Countries of Central Asia in the Field of Security // *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68. № 1. P. 48–61. (in Eng)
- Peyrouse, 2018 – *Peyrouse S.* Chinese Public Security Presence in Central Asia. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2018. 28 p. (in Eng)
- Sciorati, 2022 – *Sciorati G.* 'Constructing' Heritage Diplomacy in Central Asia: China's Sinocentric Historicisation of Transnational World Heritage Sites // *International Journal of Cultural Policy*. 2022. Vol. 28. № 7. P. 827–842. (in Eng)
- Shambaugh, 2005 – *Shambaugh D.* China Engages Asia: Reshaping the Regional Order // *International Security*. 2005. Vol. 29. № 3. P. 64–99. (in Eng)
- Stobdan, 2004 – *Stobdan P.* Central Asia and India's Security // *Strategic Analysis*. 2004. Vol. 28. № 1. P. 54–83. (in Eng)
- Tang, Joldybayeva, 2022 – *Tang W., Joldybayeva E.* Pipelines and Power Lines: China, Infrastructure and the Geopolitical (Re)construction of Central Asia // *Geopolitics*. 2022. Vol. 28. № 5. P. 1506–1534. (in Eng)
- Urinboyev, 2015 – *Urinboyev R.* Local Government Capacity in Post-Soviet Central Asia // *Public Policy and Administration*. 2015. Vol. 14. № 3. P. 177–199. (in Eng)
- Vanderhill, Joireman, Tulepbayeva, 2025 – *Vanderhill R., Joireman S., Tulepbayeva R.* In the Shadow of the Dragon: Chinese Soft Power in Central Asia // *International Affairs*. 2025. Vol. 101. № 1. P. 87–106. (in Eng)
- Wikipedia – Kitaysko-turkmenskiye otnosheniya [China-Turkmenistan relations] // Wikipedia: svobodnaya entsiklopediya. [Electronic resource] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайско-туркменские_отношения (accessed 01.02.2026). (in Rus).
- Wang Huning, 2007 – *Wang Huning.* Wenhua ruan shili yanjiu [Research on cultural soft power]. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences Press, 2007. 312 p. (in Chin).
- Wilhelmsen, Flikke, 2011 – *Wilhelmsen J., Flikke G.* Chinese–Russian Convergence and Central Asia // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. № 4. P. 865–901. (in Eng)
- Winter, 2014 – *Winter T.* Heritage Diplomacy // *International Journal of Heritage Studies*. 2014. Vol. 20. № 6. P. 557–574. (in Eng)
- Xinhua, 2025 – Xinjiang rasshiryayet sotrudnichestvo so stranami Tsentralnoy Azii v oblasti obrazovaniya [Xinjiang expands cooperation with Central Asian countries in the field of education] // Xinhua (news.cn). 2025. [Electronic resource] URL: <https://russian.ts.cn/system/2025/07/09/036968027.shtml> (accessed 01.02.2026). (in Rus).
- Yilmaz, Dosbolov, 2025 – *Yilmaz S., Dosbolov A.* Debt-Trap Diplomacy of China towards the Turkestan Republics // *Bilig*. 2025. (in Eng)
- Zhu, Li, 2023 – *Zhu B., Li X.* Transformational Governance Framework for Institutions of Cultural Diplomacy: The Case of the Chinese Confucius Institute // *International Journal of Cultural Policy*. 2023. Vol. 30. № 4. P. 491–510. (in Eng)

¹Нуржаева А.М. ²Бейсенбаев О.Т.

¹SDU University, Қаскелен, Қазақстан

¹әл-Фараби ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан

² Абай облысы жастар саясаты мәселелері жөніндегі басқармасы, Семей, Казахстан

E-mail: ¹ nurzhayeva@gmail.com, ² beisenbayev.olzhas@gmail.com

ЖҰМСАҚ КҮШ ПРОЕКЦИЯСЫНЫҢ ШЕҢБЕРІНЕН ТЫС: ҚЫТАЙДЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ МӘДЕНИ ДИПЛОМАТИЯСЫНДАҒЫ ҚАБЫЛДАУШЫ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ РӨЛІ

Аңдатпа. Бұл мақалада Қытайдың Орталық Азия елдеріндегі мәдени дипломатиясының салыстырмалы зерттеуі ұсынылған. Онда донор елдердің Қытайдың мәдени және дипломатиялық бастамаларын бейімдеудегі, реттеудегі және шектеудегі рөліне баса назар аударылған. Зерттеудің жаңалығы Қытай мен Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түрікменстан және Өзбекстан арасындағы алмасу механизмдерін институционалдық ортадағы айырмашылықтарды, үкіметтің реттеу деңгейін және Қытайдың қатысуы туралы түсінікті ескере отырып салыстыруында жатыр. Мақсат - Орталық Азия елдерінің Қытайдың білім берудегі өзара алмасулары, Конфуций институттары, академиялық бағдарламалар және БАҚ коммуникациялары сияқты ұқсас мәдени дипломатия құралдарын пайдалануын қабылдаудағы айырмашылықтарды анықтау. Сонымен қоса, Қытай мен Орталық Азия елдері арасындағы мәдени дипломатия саласындағы алмасудың негізгі үлгілерін анықтау және мұндай алмасулардың нәтижелерін қалыптастырудағы мемлекеттік институттардың рөлін нақтылау. Зерттеуде салыстырмалы, институционалдық, мазмұнды талдау және тақырыптық зерттеулер элементтері қолданылады. Дереккөздерге ресми құжаттар, үкіметаралық келісімдер, статистикалық деректер, БАҚ басылымдары, аналитикалық зерттеулер және академиялық мақалалар кіреді. Салыстырмалы талдау Қытайдың ұқсас мәдени дипломатия құралдарын қолданғанымен де, аймақтағы басқа елдерде ұқсас нәтижелерге кепілдік берілмейтінін көрсетеді. Анықталған өзара ықпалдасу үлгілеріне негізінен Қазақстанда және Өзбекстанда басым түрде байқалған институционалдық интеграция; Тәжікстан және Қырғызстанмен алмасудың нақты салаларындағы элитаға бағытталған серіктестік және бақыланатын бейімделу; Түрікменстанда жиі кездесетін өзара әрекеттесу әдістеріне қол жеткізудің кезең-кезеңдік моделі кіреді. Бұл тұжырымдар Орталық Азиядағы Қытай мәдени дипломатиясының тиімділігі мен формасы тек Қытай ресурстары мен бастамаларымен ғана емес, сонымен қатар қабылдаушы елдің институционалдық ерекшеліктерімен, мемлекеттің даму сипатымен, қабылдаушы қоғамның Қытайдың қатысуына сезімталдығымен және аймақтағы елдердің сыртқы саясат стратегияларымен де анықталатынын көрсетеді.

Алғыс: Бұл зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыруы аясында жүргізілді (AP27511021, «Қытайдың Қазақстанға қатысты мәдени дипломатиясының қарқындылық эволюциясы: мүмкіндіктері мен сын-қатерлері»).

Кілт сөздер: жұмсақ күш, Қытай, Орталық Азия, мәдени дипломатия, қабылдаушы мемлекеттер

¹Nurzhayeva A.M. ²Beysenbayev O.T.

¹SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

¹al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan

²Department for Youth Policy of Abai Region, Semey, Kazakhstan

E-mail: ¹ nurzhayeva@gmail.com, ² beisenbayev.olzhas@gmail.com

BEYOND SOFT POWER PROJECTION: THE ROLE OF HOST STATES IN CHINA'S CULTURAL DIPLOMACY IN CENTRAL ASIA

Abstract. This article presents a comparative study of China's cultural diplomacy in Central Asian countries, focusing on the role of donor countries in adapting, regulating, and constraining China's cultural and diplomatic initiatives. The study's novelty lies in its comparison of exchange mechanisms between China and Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan, taking into account differences in the institutional environment, the degree of government regulation, and perceptions of China's presence. The goal is to identify factors that determine differences in Central Asian countries' responses to China's use of similar cultural diplomacy tools, such as educational exchanges, Confucius Institutes, academic programs, and media communications. The goal is to identify the main patterns of exchange between China and Central Asian countries in the field of cultural diplomacy and to clarify the role of state institutions in shaping the outcomes of such exchanges. The study uses elements of comparative analysis, institutional analysis, content analysis, and thematic research. Sources include official documents, intergovernmental agreements, statistical data, media publications, analytical studies, and academic papers. A comparative analysis reveals that even with China's use of similar cultural diplomacy tools, similar results are not guaranteed in other countries in the region. The main identified interaction patterns include institutional integration, which was observed primarily in Kazakhstan and to a significant extent in Uzbekistan; elite-focused partnerships and controlled adaptation in specific areas of exchange with Tajikistan and Kyrgyzstan; and a step-by-step model of access and filtering of interaction methods, most common in Turkmenistan. These findings suggest that the effectiveness and form of Chinese cultural diplomacy in Central Asia are determined not only by Chinese resources and initiatives, but also by the institutional characteristics of the host country, the nature of the state, the host society's sensitivity to China's presence, and the foreign policy strategies of the countries in the region.

Acknowledgement: This research was conducted within the framework of grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (AP27511021, “Evolution of the Intensity of China’s Cultural Diplomacy towards Kazakhstan: Opportunities and Challenges”).

Keywords: soft power, China, Central Asia, cultural diplomacy, host states

Авторлар туралы мәлімет:

Нуржаева Алина Маратовна – PhD, аға оқытушы, SDU University, Қаскелен, Қазақстан, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан

Бейсенбаев Олжас Тусупбекулы – PhD, Абай облысы жастар саясаты мәселелері жөніндегі басқарма басшысы, Семей, Қазақстан

Сведения об авторах:

Нуржаева Алина Маратовна – PhD, старший преподаватель, SDU University, Каскелен, Казахстан, аль-Фараби КазНУ, Алматы, Казахстан

Бейсенбаев Олжас Тусупбекулы – PhD, руководитель Управления по вопросам молодежной политики области Абай, Семей, Казахстан.

Information about authors:

Nurzhayeva Alina Maratovna – PhD, Senior Lecturer, SDU University, Kaskelen, Kazakhstan, al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan

Beysenbayev Olzhas Tussupbekuly – PhD, Head of the Department for Youth Policy of Abai Region, Semey, Kazakhstan.

Келін түсті 11 маусым 2026 жыл

Қабылданды 5 тамыз 2026 жыл